

— Это существо, захватившее тело Юй Инь, — не Юй Минмин, — сказала Цинь Чаншэн. — Расследование в деревне у подножия горы подтверждает: оно покинуло деревню несколько лет назад, а его носителем стало тело Юй Минмин. Более того, это существо, без сомнения, родом с Горы Цзи.

Деревня у подножия горы погрузилась в тишину, лишь изредка доносился отдалённый лай собак.

Под ногами хрустела мелкая галька, по обочинам дороги густо разрослись заросли ковыля. Поскольку тропа была малохоженной, середина её была усыпана камнями, а по краям сорняки стояли стеной в полчеловека ростом. При лунном свете Цинь Чаншэн машинально сорвала травинку.

Цзян Чжунсюэ ненадолго задумалась, затем сказала:

— Существо с Горы Цзи... Я никогда не бывала на Горе Цзи и не слышала, чтобы здесь ходили легенды о подобных тварях. Если оно и есть, возможно, появилось здесь лишь несколько лет назад. Древние земли Шу полны змей и ядовитых испарений. Если оно зародилось здесь — такое вполне возможно.

Цинь Чаншэн, слушая её столь бесстрастный рассказ, была поражена. Казалось, для Цзян Чжунсюэ всё это было в порядке вещей.

Даже будучи Призрачным Глазом, она не так давно ступила в мир демонов и духов. Хотя морально она была готова ко многому, упоминание о таких существах не вызывало у неё той привычной реакции, как у Цзян Чжунсюэ.

Та, казалось, давно свыклась с подобными вещами. Обсуждать происхождение чудовища или его историю было для неё всё равно что разглядывать картофелину на рынке — без тени удивления. Разве что эта картофелина совершит что-то из ряда вон выходящее — тогда она, может быть, и удостоит её взглядом.

На вид ей было лет двадцать. Сколько же лет ей пришлось провести в компании тьмы и нечисти, чтобы стать такой равнодушной?

В душе Цинь Чаншэн похолодело.

Впереди показались очертания низких домов. Цинь Чаншэн вспомнила кое-что и добавила:

— Это существо, кажется, знает не только тебя, но и меня. Тогда оно спросило, чего я хочу: выжить или никогда больше тебя не видеть. Но это не самое странное. Меня больше смутило, что оно назвало меня дрянью, а тебя, Цзян Чжунсюэ, сказало, что ты всё ещё защищаешь эту дрянью.

Цзян Чжунсюэ, услышав это, опешила. Цинь Чаншэн продолжила анализировать:

— Оно знает меня и обзывает дрянью. Обычно так ругают из-за личной вражды или зависти. Либо когда есть в чём-то уступить не хочется, вот и поливают грязью.

Она задумчиво проговорила:

— Назвать меня дрянью... Не понимаю. Логично, если бы я, выполняя просьбу матери Юй Инь, решила докопаться до истины, то есть уничтожить это существо, — вот тогда бы ненависть

была объяснима. Но как врагу, мне оно должно было угрожать, а не оскорблять.

Она дотронулась до ссадины на голове, вздрогнула от боли и с досадой добавила:

— Мы же уже договорились, что больше не лезем в дела друг друга. Не знаю, что на него нашло, но оно выстрелило в меня. Не выстрели оно — я бы точно ушла от всей этой истории. Разве жить плохо? Зачем заставлять меня копаться дальше?

Цзян Чжунсюэ промолчала.

Цинь Чаншэн отодвинула калитку и вошла во двор. Цзян Чжунсюэ окликнула её:

— Цинь Чаншэн.

Та обернулась.

Цзян Чжунсюэ прикрыла калитку и ровным тоном произнесла:

— Возможно, тебе стоило согласиться на просьбу Юй Инь.

Цинь Чаншэн на мгновение застыла.

— Я имею в виду только тот выбор, — продолжила Цзян Чжунсюэ. — Возможно, тебе стоило выбрать первое. Выжить. И никогда больше не видеть меня.

Цинь Чаншэн замерла на месте, и в груди у неё неожиданно закипела ярость.

Но она сдержала гнев и лишь холодно бросила:

— А, думаешь, я так уж жажду тебя лицезреть? Вечно ты всё на себя принимаешь. Решила, что с твоей-то внешностью да способностями тебе всё дозволено?

Цзян Чжунсюэ не стала спорить, но продолжала смотреть на неё:

— Выбери первое — и существо в теле Юй Инь оставит тебя в покое. Оно выстрелило, потому что ты не сделала выбор.

Цинь Чаншэн запуталась в её словах и раздражённо отрезала:

— Говоришь загадками — как я пойму? Хочу — выберу, не хочу — не выберу. Оно трепалось, да ещё с пистолетом в руках. Откуда мне было знать, что выбирать? Всё уже позади, к чему сейчас об этом говорить? Всё равно второго шанса не будет.

Сердито войдя в дом, она щёлкнула выключателем и принялась шумно рыться в вещах в поисках чайника, чтобы вскипятить воду для мытья. Рябой Ван, разбуженный грохотом, поднялся и, увидев её, успокоился. Он потёр глаза и рявкнул недовольным голосом:

— Эй, что за ночные концерты! Дома снести вздумала?! Успокойся ты! Что ты вообще творишь?!

Цинь Чаншэн кипела от злости, но, увидев разбуженного хозяина, сдержалась, глубоко вздохнула и, понизив голос, извинилась:

— Простите. Я просто хочу помыться. Ложитесь спать, всё в порядке.

Рябой Ван, всё ещё сонный, собрался было лечь, но, бросив на неё взгляд, заметил грязь на лице, кровь на лбу и общий плачевный вид.

Он поколебался мгновение, затем поднялся, ворча себе под нос, натянул поверх исподнего просторные шаровары, достал из шкафа пузырёк с йодом и буркнул:

— Девонька, угомонишься ты?

Поставив йод на стол, он обернулся. Цинь Чаншэн стояла к нему спиной, растрёпанные волосы прикрывали ссадину на лбу. Она лишь виновато улыбнулась. Рябой Ван не выдержал, вздохнул и выпалил:

— Не знаю я, чем ты там занимаешься, но послушай старого: брось это дело. Ночью, вся в грязи, да раны ещё не зажили!

Рука Цинь Чаншэн, державшая ковш, дрогнула.

Рябой Ван снова вздохнул и многозначительно добавил:

— Знаю, в городе туго. Но ты ж девушка молодая, не до такой же жизни опускаться. В этих дебрях, детка, себя поберечь надо. Тебе ведь не только тело болит, но и душа, а?

Цинь Чаншэн почувствовала, как в носу защекотало. Она быстро моргнула, отгоняя слёзы.

Но они всё равно навернулись.

На душе было горько, но она, сделав безразличный вид, продолжила набирать воду, стоя спиной к Рябому Вану. Тот, видя её состояние, не выдержал, выхватил у неё ковш:

— Я воду вскипячу, а ты иди приляг. Не буду я спрашивать, чем ты на стороне промышляешь, — свои резоны иметь можешь. Не всякое дело старому знать положено.

Цинь Чаншэн глубоко вздохнула и прошла мимо.

— Йод на столе, вата в твоей горнице, — бросил ей вдогонку Рябой Ван. — Обработай себя.

Силы Цинь Чаншэн, будто плотину прорвало, разом ушли. Весь этот вечер, полный ужаса и смертельной опасности, оставил её с ледяными руками и ногами.

Она закрыла глаза, опустилась за стол и при свете лампы открутила крышку пузырька, смочила ватку йодом и приложила ко лбу.

Рябой Ван, услышав её сдавленный вдох, помедлил, но всё же спросил:

— А тот, что с тобой был, не вернулся?

Цинь Чаншэн кивнула.

Рябой Ван раздул огонь в печи, подбросив сухих кукурузных стеблей. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием пламени.

Цинь Чаншэн сидела за столом, прижимая к ране ватку. Йод щипал кожу. Она надавила чуть сильнее, сдирая подсохшую кровь.

Прошло некоторое время, прежде чем она, словно собравшись с духом, спросила:

— У вас родители были?

Рябой Ван сперва не понял, что вопрос к нему. Помолчав пару секунд, он ответил:

— Родители-то? Давно уж нету.

<http://bllate.org/book/16269/1464301>